

YOUNG POETS FROM UKRAINE

Butuk

Крок у нескінченність

Оксана Бутук

Він озирнувся, намагаючись зачепитися за яку-небудь дрібницю. У кімнаті було темно, і тільки світло від настільної лампи розбивало темряву, кидаючи тьмяний жовтий відблиск на розкидані скрізь речі, роблячи тіні в десятки разів більшими, від чого вони ставали страшними і непереможними. Вкотре він повертався в порожній будинок і, коли залишався наодинці зі своїми проблемами, вони починали здаватися йому такими величезними, що їх не можна було вирішити. Самотність, немов жажлива лампа, збільшувала тіні і до того великих його невдач.

Сьогодні знову – нічого. Ось уже цілий місяць він шукає роботу. Його звільнили. Ні за що! Так, посварилися трохи, він зірвався, але ж вибачився!

А, головне, – дружина бачить у ньому невдачу. І цього він витримати не міг. Нехай зараз йому не щастить, але ж колись він був гарним чоловіком. Та і зараз він її любить, щовечора чекає, коли вона повернеться з лікарні.

Він глянув на годинник: було близько восьмої. Він знав, що прийде вона іще не скоро: зміна закінчується о дев'ятій, а додому вона встигне лише за годину. Але було б чудово, якби вона прийшла...

Йому не було страшно, бо не смерті, а неповноцінного життя треба боятися! Воно єдине, неповторне, неймовірно коротке і треба піти не боржником, якому воно набридло та й сам ти йому набрид. А якщо не виходить, то краще... Так, краще!

Він піднявся з дивана і, раптом щось згадавши, за мить зупинився біля шафи. Відчинивши дверцята, він дістав невеличку коробочку. В ній серед небагатьох прикрас дружини він побачив золотий ланцюжок з маленьким хрестиком. Він затис свою знахідку в кулаці і підійшов до відчиненого вікна.

Надворі мжичив дрібний дощ, потоки холодного вітру розкуйовдили його давно нестрижене волосся. Місто світилося різнокольоровими вогнями рекламних щитів, ліхтарів, вікон. Він згадав, як прогулювався нічним містом з коханою, коли все йому здавалося таким легким,

світлим, коли весь світ був біля його ніг. І потім він жив спокійним, розміреним, стабільним життям. Він чіплявся за нього всіма силами, усім своїм єством стверджував нескінченну любов до життя і ненависть до смерті, волю, а не рабську покірність хворобі і старості.

А тепер він зів'ялий, втомлений, нездатний внести в життя свіжий струмінь, щоб прикрасити його.

Зараз він відчував лише подих свіжого вітру на своєму обличчі, маленький хрестик колов долоню. І він зупинився, завмер, дивлячись у темне небо...

Vorozjezquina

По колу

Як вертається пес до блювотини власної,
Як глупоту свою повторяє глупак,
Так щодня я зрікаюся долі прекрасної,
Щоб у темний, огидний стрибати байрак.
Щоб стогнати, кричати, з собою змагаючись,
Щоб собі, як завжди, заподіяти зло,
Щоби знову, від важкого сну прокидаючись,
Кожен раз обіцяти – востаннє було.

Украденные строки

Гуляет ветер. В сердце пусто.
Смеюсь й плачу невпопад.
Танцуй, танцуй, больное чувство,
Как много дней тому назад.

Танцуй, як клоун на канаті,
Свалиться в бездну не боюсь.
Запри наївність в казематі,
Сполна свободою насладясь.

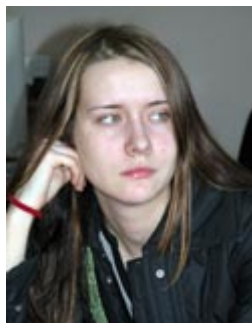
Оставь епархию монахам –
Жить жизнью жадно – твой удел.
Уже не так пугает плаха,
Как рай, что мигом опустел.
Сквозь дыры в сердце дует ветер.
Немного холодно й грустно.
Ты не гляди на строки эти –
Танцуй, танцуй, больное чувство.

* * *

Світ перемоги.
Свято поразки.
Брак остороги.
Надлишок казки.
Змінені ролі.
Згода запізня. Прагнення Волі. Воля в нас різна.

Дві протилежності.
Схожі несхожості.
Ода залежності.
Гімн ілюзорності.
Віра в невидиме.
Битва з погордою.
Тільки б це витримать...

* * *

Tiarina

На стенах мира в ожидании,
Застыли лица мертвых душ.
И с верой в то, что нет страдания,
Их грим испорчен. Стёрта тушь...
Затмили равнодушьем чувства.
И прагматичность верх взяла.
Внутри, снаружи, всюду пусто.
Мечта с надеждой умерла.
И словно похорон не громкий,
Сыграет пустота для них.
И совесть на одних обломках,
Начнёт всему учить других.
Играй, играй, мой друг бездушный!
Игра достигнет тех высот,
Где поцелуй один воздушный,
Откроет жизнь наоборот.
На стенах мира там застыл,
Немой вопрос в умерших душах.
И возродившись, всё забыл,
Лишь тот, кто их когда-то слушал.

В тебе я утопаю с головою,
Не замечая, как проходит день.
Волшебные мгновения с тобою,
За мною в мыслях ходят, словно тень.
И в невесомости я образом живу,
Избавившись от жизненной рутины.
Ты моё самое чудное де жа вю,
Сплетённое из мыслей паутины.

Я отдам всю себя океану,
Я уйду в тихий шепот волны.
Я от этого лучше не стану,
Но мне нужно убить все мечты.
Я топить буду их безвозвратно,
Чтобы дальше без них жить могла.
Не поймите меня вы превратно,
Но я сделать это должна.
Если я не убью их сегодня,
Завтра их разрушит другой.
Так пускай будут лучше свободны,
Пусть вернуться лучше домой.
Если всё я смогу и сумею,
То не ждите меня назад.
Это значит, я слишком жалею,
Что так мало мне было преград...

Ты недостоин моих замечаний,
Я недостойна твоей любви.
Ты недостоин моих прощаний.
Я недостойна твоей мечты.
Я недостойная твоей прозы,
Ты недостоин моих стихов.
На сердце образ шипами розы,
А на душе мост из облаков.
Я спрячу образ твой недостойный,
И недостойно уйду с тобой.
Мы это маленький мир настольный.

Мы – это лужа на мостовой.

Моя печальная муза ходит,
По этой комнате нагишом.
И по сознанию пальцем водит,
Как по бумаге карандашом.
Она сидит на краю кровати.
Она смеётся мне грустно в лицо.
Она мой вечный мечты лунатик.
Она хотела сниматься в кино.
Она мне снится или реальна?
Она мне муза или судьба?
Она спасительна и фатальна.
Она, наверное, это я.

Сердце гордо бока расправит,
И с тобою простится вновь.
Но в покое его не оставит
Это страшное чувство – любовь...
За тебя я молиться буду.
Отрекаясь от твоих губ,
Никогда я тебя не забуду.
Я, наверное, однолюб.
Моя жизнь от тебя зависит.
Моя смерть лишь в твоих руках.
Меня очень просто унижить,
Но с тобой я парю в облаках.
Я люблю тебя бесконечно.
И тебя оставляю сейчас,
Потому что со мной беспечно,
Жизнь уходит. За часом час...
Ты другого счастья достоин.
Упрощённый вариант любви.
Без душевных проблем – пробоин,
С перепачканной болью груди.
Я в своё одиночество верю,
И верю, не будешь один.
Я сегодня хлопнула дверью...
Будь свободен, люби, будь любим!

Tutrina

Словарь

(всё, что будет сказано ниже навеяно имевшим место разговором

о пользе справочной литературы).

Я внесу это имя в толковый словарь,
В алфавитном порядке. И датой рожденья
Я поставлю тот месяц, что любит февраль
И похож на него до следов потепленья.
Расскажу, что живет между кружевом строк,
Как растёт луной ночью в полях одеяла,
И от радости взводит чернильный курок,
Но бросает ружьё изо льда и металла,
Улыбаясь осечке, не давшей убить
Никого, а себя. На цветную раскладку
Нанесу то, с чем дальше приходится жить:
Анатомию сердца, коленную складку,
Чтобы можно потом натянуть на штатив,
Изучать безустанно, купать в физрастворе,
Делать фотоэтиюд и сжигать негатив,
И, как старый художник, курить в коридоре.
Я составлю эпитафию к словарной статье,
Напишу эпитафию или отрывок
Из поэзии Тассо, Сапфо и Нодье
И раскрашу цветами клубники и сливок.
Погляжу на шедевр. Отдам в распечатку,
Но цензура наложит арест на тираж
За отточенный слог и коленную складку,
Ненаучный язык, нестандартный типаж.
Но один экземпляр подарю рукописный,
Написав посвященье на первом листе:
«Это имя, отныне, вовеки и присно
Ты читаешь на небе, земле и воде».

15.06.2004

Сказка

Эта сказка поломанных цифр в конце
циферблата –
Я начну её, если вернусь в свой убогий
футиляр,
Сто восьмое апреля - в истории первая дата,
А конечная - смерть моей кармы в созвездии
фар.
Место действия сказки – глубокая ночь под
Каиром,
Геометрия тела – костюм для актёров её.
Эта сказка стара, как даос и написана миром,
Я – один эпизод, я монах, облачённый в
тряпье.
У истории этой не будет финала от сказки,
Её главный герой – раскладушка без ног и
пружин,
Этой сказкой я буду полна от колен – под
завязки,
Выставляя их всем напоказ под покровом
витрин.
Эта сказка – безногий апрель, что закончится
скоро.
Её фабула – проще других и до боли ясна:

Для Сансары достаточно блика огня
светофора,
Биологии смерти достаточно слова «весна».
Моя сказка написана днём на стене
стоэтажки,
Она высохнет с первым лучом от японских
богов.
Она сбесится, делая мне неземные побряжки,
И забудет про взлётные полосы мокрых
шагов.
Я шепчу свою сказку в троллейбусах их
пассажирам,
Для которых она станет текстом в кухонном
столе.
Для меня же – словами из плеера, снами
кумиров,
И твоими, на власть запотевшем огромном
окне.
14.04.2004

Causa sui

Я надела туман на глаза вместо линз,
Чтобы видеть всю осень и небо из ваты.
Здесь деревья-таблетки, а листья-палаты:
Я больна. Моё горло танцует стриптиз.
Мне смешно до истерики. Хриплое эхо
С поцелуем уснуло в кармане одежды,
На твоём языке вкус хмельного невежды,
Глубина моих перьев вороньего меха.
Ты – Инь-ян. Я скорее похожа на Анх...
Мою бездну зашили иголкой из воска,
И осталась на дне голубая полоска,
Разрешив мне кричать и молчать о руках.
Чтобы видеть тебя, я ныряю с моста,
И в воде понимаю, что здесь я акула,
Я больна. Мне смешно. Я в тебя заглянула,
Прочитав своё имя на лапах кота.

22.11.2003

* * *

Я – китайский Глупец, я
мечтаю напиться
Своим небом сполна,
приручив облака,
Я пыталась солгать или
остановиться,
Только вот не смогла в
дождь упасть свысока.
Я – шаман из лесов, я из
северной чащи
Говорила деревьям, что
падать нельзя,
Но сама спотыкалась всё
чаще и чаще,
И во мне просыпалась
другая стезя.
Моё тело – тайга, мои
скулы – созвездья,
Я – блудница с Тверской, я

нежна, как песок,
Я пыталась забыть и уйти,
но не вместе,
Но меня попросили ещё
на часок...
Я боюсь слепоты, я
старуха из Чили,
И смотрю на людей через
сетку морщин,
Я устала дышать, мои
руки остыли,
И отвыкли от ласк
незнакомых мужчин.
Я теряю себя... Помогите
мне, птицы,
Как полярные совы,
узрите во тьме
Мои мрачные сны и седые
ресницы,
И все тайные Я пробудите
во мне.
Я – игра в домино. Я
кончаюсь однажды,
И меня по кусочку в коробку кладут.
В мою реку войдут, только
точно не дважды,
Но бездушное тело в воде
не найдут.
15.09.2003.

Antonova

**В неделе одна пятница.
В месяце – четыре пятницы.
В жизни – много пятниц.
В эту пятницу**

Татьяна Викторовна вместе со своим сыном Андрюшкой весело вышагивала по улице. Ее высокие каблочки звонко цокали по дороге, выбивая из асфальта какую-то беспечно-радостную мелодию. День был чудесный. Стояла середина сентября и «бабье лето» было как раз в самом разгаре. Тонкие паутинки-парашюты с невидимыми паучками-летчиками плавно проносились рядом, застревали в волосах и одежде, щекотали лицо. Теплый ветерок приятно поглаживал своим прикосновением. Все вокруг будто располагало к прекрасному настроению. Таня улыбнулась. Ну что, Андрюшка, – весело сказала она сынишке, – сегодня у твоей старшей сестрички большой, нет. Огромный и Великий день. А завтра еще и день рождения. Надо ее хорошо поздравить, да, малыш? Поможешь мамочке подарки выбрать?

Угу, – ответил мальчик. Он тяжело шлепал своими маленькими толстенными ножками по дороге. Малыш явно не успевал за матерью, которая в порыве бесконечной радости за свою дочь витала в облаках. Полные щечки ребенка заметно порозовели.

Что, маленький, устал? Ну иди ко мне, – резво подхватив сына на руки, она улыбнулась и вытерла с подбородка Андрюшки потекшие от облегчения слюни.

В эту пятницу

Городской Театр был полон людей, среди которых присутствовали весьма и весьма известные люди. Политики, актеры, режиссеры приехали сюда, чтобы посмотреть сценарий известного режиссера Яна Сославского, его мюзикл «Лекция о жизни». Играть должны совсем молодые и неизвестные актеры, многие из которых выходили на сцену впервые. Ян дрессировал этих маляков на протяжении 5 месяцев. Заставил их зазубрить каждое движение, каждый оттенок в интонации. Да, он, конечно, жестоко обращался с ними, давал затрещины, орал на них благим матом, заставлял повторять один и тот же кусок из мюзикла в течении 4 часов. Но это ничто для него, главное – добиться признания и славы. И после представления все скажут: «Ой, какой молодец, какой супермастер Ян Дмитриевич! Из новичков сделал мастеров! Он – талант, самородок! Прекрасный руководитель и понимающий босс! Он прекрасно понимает молодежь, и они тоже прекрасно понимают его!» Ха-ха! Знали бы они, как он издевался над молодыми актерами, понаобещав им золотые горы и мировую известность. И они поверили! Вот глупые дети! Всю славу он заберет себе и начнет работать с настоящими актерами, с мастерами своего дела, а не с этими малявками!

Через час он получит свою славу. Ян потер руки и улыбнулся. Точнее оскалится. Злобно и ехидно. Он улыбался своему отражению в зеркале. Тщательно отбеленные стоматологами зубы хищно блеснули в полутьме гримерки – победитель должен иметь блистательную улыбку.

В эту пятницу

Влад обдумывал, чтобы подарить своей любимой на 19–летие. Сегодня у нее Великий день. Первое выступление. А завтра день рождения. Скорее всего, он подарит ей огромного розового слона. Мягкую игрушку, конечно же. Она обожала их. И еще... И еще обручальное кольцо. Завтра будет лучший день в его жизни. Он любил ее каждой клеточкой своего тела. Ну как можно ее не любить? Такая добрая и ласковая, и в то же время наполненная кипучей энергией, готовая к любым неожиданностям и стойкая во время невзгод. Ее силы воли могло хватить им двоим с головой. А его любви тоже хватит им двоим. Даже если она разлюбит. Но она не могла. Она любила его также безумно, как и он ее. Они поженились в апреле. И у них будет трое детей. Он хорошо зарабатывает, им хватит. Внутри у парня что–то теплое порывало подняться вверх и кричать. Кричать от счастья. Это что–то была ЛЮБОВЬ. Огромная, светлая, чистая. Они будут счастливы. Просто обязаны. Влад улыбнулся.

В эту пятницу

главный врач областной больницы уже к 2 часам дня валился с ног от усталости. Сегодня был плохой день. Явно плохой.

Все началось с обыкновенных мелочей: разбитая чашка, бутерброд, который по странным законам физики, вечно падает маслом вниз, исчезнувшая рубашка, огромная пробка, внезапно возникшая по дороге на работу. Сегодня в травматологическое отделение поступило очень много человек, и большинство из них...

Он любил свою работу, очень любил. Но сегодня он ее вдруг возненавидел. Возненавидел всем своим естеством. Ему хотелось выбежать из операционной и проблеваться. Как будто вместе с остатками завтрака из него вышли бы все кошмары, увиденные сегодня за время его рабочей смены. Он работал хирургом уже 18 лет. Он был мастером. И ни разу за все это время в операционной его не тошнило. «Господи, да что же это со мной? Руки как дрожат... Боже, но это все так ужасно».

– Александр Анатольевич, – голос его помощницы доходил до него приглушенно, как будто у нее во рту находился здоровый кусок ваты. – Александр Анатольевич, вы хорошо себя чувствуете? Вам плохо?

Плохо?! Хирургу и плохо! Во время операции! Нет, надо взять себя в руки. Но хирургу действительно было плохо.

– Все в порядке, Ирина, – он пытался говорить как можно тверже и увереннее. – Еще морфия. 2 кубика. Проверьте подачу кислорода пациентке. Капельница не опустошилась? Нет? Хорошо. Продолжаем. Прижмите здесь, пожалуйста.

В эту пятницу

Ян нервничал. До начала представления не более 25 минут. Все актеры уже давно на местах, а главной героини все нет. «Где же эта девчонка?! Я не знаю, что я с ней сделаю! Хорошо, хоть замена есть. О, кто-то стучит. Неужели объявилась? Уничтожу...»

В эту пятницу

в зале Городского Театра в мягком кресле, обшитом красным бархатом, Татьяна Викторовна наслаждалась великолепием внутреннего оформления помещения. Бархатистые, мягкие цвета. Средневековый стиль. Представление начиналось. Во всю гремела музыка. Сейчас ее дочь должна появиться на сцене в прекрасном платье эпох Екатерины II. Глаза матери светились радостным светом. Вот-вот. Сейчас. И вот на сцену в прекрасном платье эпохи Екатерины II вышла... девушка, которая должна была заменять Лену, если она не сможет выступать. Сердце Тани рухнуло вниз. Что-то случилось.

В эту пятницу

Доктор, она потеряла слишком много крови. Боюсь, переливание не помогает. Дайте ей...

Доктор, сердце остановилось! На ЭКГ ровные линии!

Дефибрилятор! Быстро! Разряд!

Тело подпрыгнуло на столе. Да так сильно, что на секунду показалось упадет оттуда.

Ничего!

Еще! Быстро!

Ничего! Может эпиннефрин?

Нет, не выдержит.

Но, может, стоит...

Голоса в операционной слились во что-то непонятно злое, булькающее и визжащее. Стук металлических инструментов был оглушающим, запах лекарств и антисептиков раздражал ноздри и глаза. Через минуту в операционной раздалась фраза: «Мы ее потеряли. Время смерти 15:54».

В эту пятницу

ссутулившись, будто ей на плечи обрушили весь мир, Татьяна сидела в приемной хирурга Александра Анатольевича. Каждым словом он словно давал ей весомую пощечину. Она даже дергалась. Нет, ее трясло, будто в нее вселилась сразу сотня лихорадок. Она не понимала сказанного доктором, не хотела понимать. Ее мозг просто-напросто отвергал эту информацию. В глазах все плыло, ей казалось, что все происходящее всего лишь страшный сон. Стоит немного напрячься и вся эта чертова приемная вместе с этим чертовым хирургом испарится, растает, исчезнет... Таня напрягалась, но сон почему-то не исчезал, а наоборот – становился все более реальным. А ее будто било в конвульсиях. Хотя, кажется, действительно било. Она перестала соображать где явь, а где ее иллюзия. А врач все говорил: "Автобус с детьми... страшная авария с грузовиком...перевернулись...помялись...была еще жива...потеряла много крови... эпиннефрин...переливание... дифибрилляция... умерла... простите..." Ноздри щекотал отвратительный запах смерти. В эту пятницу ее глаза потухли навсегда.

В эту пятницу

в вечерние новости попало сообщение о парне, убившем себя из-за девушки, не явившейся на спектакль в Городской Театр.

В эту же пятницу

после концерта состоялся грандиозный фуршет. Все – абсолютно все – были в полном восторге от представления. Шампанское лилось ручьями. Гости громко смеялись и, хотя были уже под крутым хмелем, продолжали расхваливать мюзикл. Радостное настроение не было ни коим образом испорчено отсутствием задуманной главной героини. Ян, обнимая новую главную героиню, обнажал свои белоснежные зубы перед фотокамерами репортеров.

– Ян, скажите, ведь в мюзикле должна была играть другая девушка.

Да, должна была, но не пришла на спектакль. Наверное, испугалась. Но не отрицайте, запасная героиня сыграла блестяще!

Да, вы правы. Представление получилось грандиознейшим! Вы заслужили свою славу. А вы, девушка, как думаете, почему ваша конкурентка уступила вам свое место?

Да дура она, все, что могу сказать.

12. 09. 2003 г.

